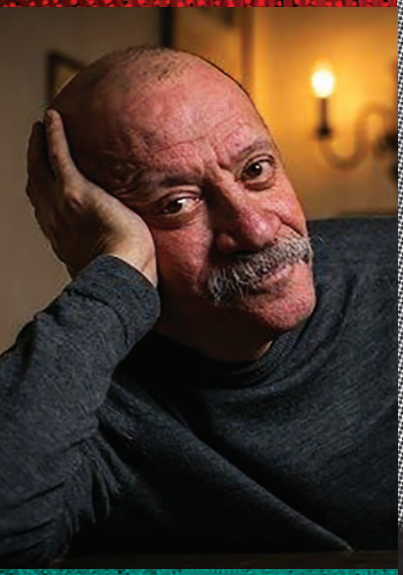
63
2025

Австралийская МОЗАЙКА

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

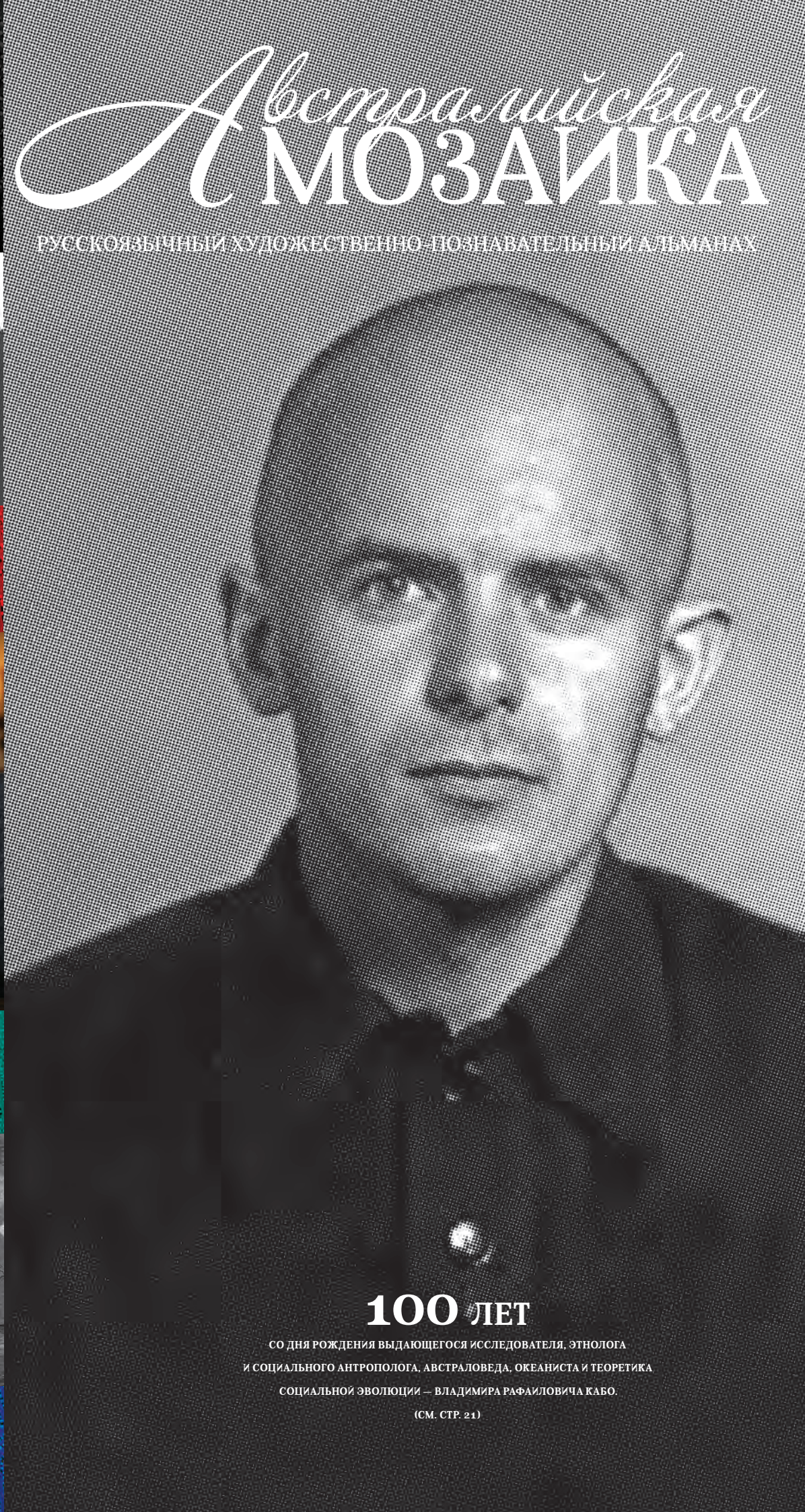
Книга Стила Радда «На нашей ферме» пришлась по душе и русским читателям

20 марта 2025 года умер известный поэт, актер, драматург, режиссер Вадим Жук.

Симс Ковингтон, ассистент Чарльза Дарвина на «Бигле», эмигрировал в Австралию

100 ЛЕТ

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ, ЭТНОЛОГА И СОЦИАЛЬНОГО АНТРОПОЛОГА, АВСТРАЛОВЕДА, ОКЕАНИСТА И ТЕОРЕТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ — ВЛАДИМИРА РАФАИЛОВИЧА КАБО.

(СМ. СТР. 21)

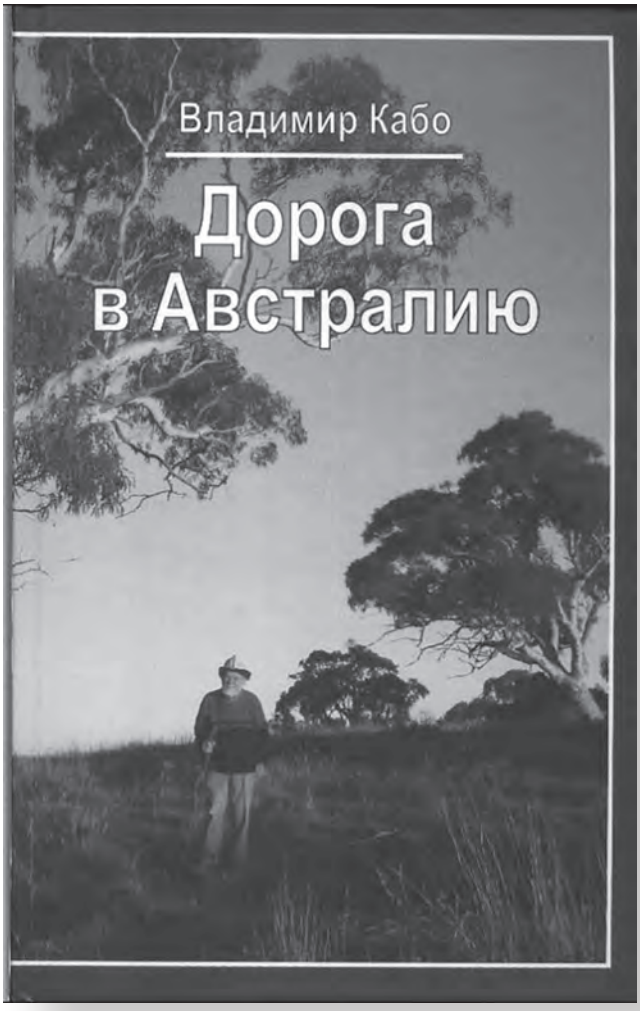
ЕЛЕНА ГОВОР

НЕСКОЛЬКО ЖИЗНЕЙ ВЛАДИМИРА КАБО

В своей автобиографической книге «Дорога в Австралию» Владимир Рафаилович Кабо (1925–2009) писал: «Когда я теперь думаю о своей жизни, я вижу ее, состоящей как бы из нескольких жизней. И хотя они связаны некоей единой нитью, каждая из них — это нечто законченное, на каждую я смотрю отстраненно, так, как если бы все это было с кем-то другим. Первая жизнь — это детство и школьные годы в Москве, и закончилась она 15 октября 1941 года, когда мои родители, бабушка и я сели в поезд, состоящий из роскошных международных вагонов, чтобы покинуть осажденную врагом Москву и через несколько недель обосноваться в Ойрот-Туре, в предгорьях Горного Алтая...

Пятая жизнь, самая длинная, началась, подобно третьей, с возвращения к родителям и прошла сначала в Москве, где я, наконец, закончил университет, потом в Ленинграде, в стенах колыбели российской науки — петровской кунсткамеры, где двадцать лет я проработал научным сотрудником Института этнографии Академии наук, и, наконец, снова в Москве, в том же институте. За эти годы я стал мужем и отцом дочери, которой мы дали имя моей мамы — Елена. В 1976 году жена умерла. В 1983 году моей второй женой стала тоже Лена. И вот — новая жизнь, совсем особая, непохожая на предыдущие, начавшаяся в августе 1990 года, с отъезда в Австралию».

...Мне посчастливилось войти в его жизнь еще в московский период, в 1982 году. Но нужно сказать, что я познакомилась с ним, правда заочно, задолго до этого, когда мне было лет 10. Я лежала в больнице, и бабушка передала мне туда книгу «Приключения досторического мальчика». Книга меня так увлекла, что с героями не хотелось

Обложка книги Владимира Рафаиловича Кабо

Владимир Кабо в Москве перед войной

Шопрон, Венгрия.
Лето 1945 г.

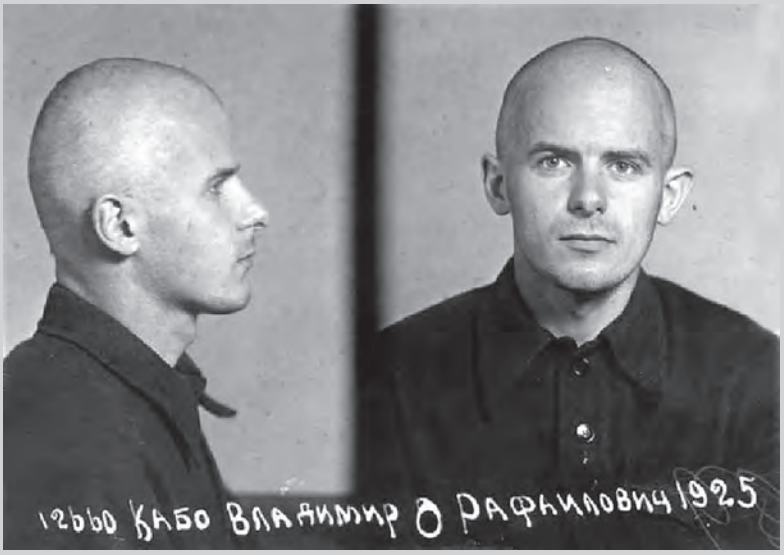

Фото политического заключенного Владимира Рафаиловича Кабо из архивно-следственного дела. ЦА ФСБ. Дело Р-7012.

Снова студент

Слева направо:

Российская Академия наук. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (кунсткамера)

В. Кабо: «Я открыл дверь здания XVIII века — здания ленинградской кунсткамеры с армиллярной сферой на башне, — не зная еще, что мне суждено провести здесь двадцать долгих лет жизни»

«Мне посчастливилось войти в его жизнь еще в московский период, в 1982 году...»

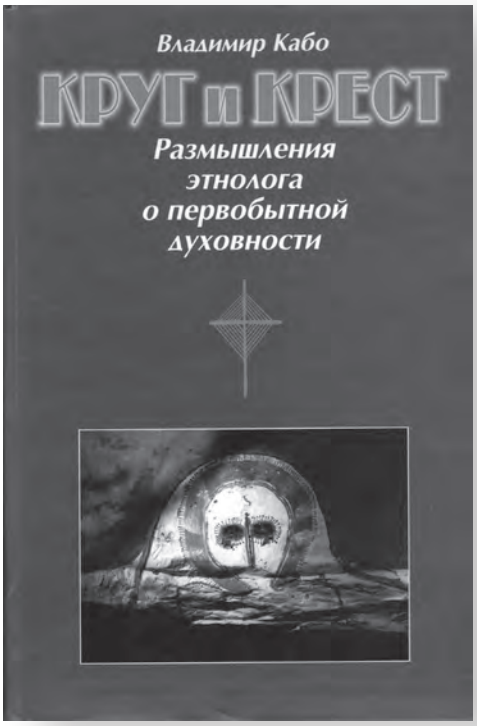
расставаться, и я в утешение прочитала и предисловие, написанное неким В. Кабо, в котором рассказывалось об австралийских аборигенах. Годы спустя, занимаясь Австралией, я наконец-то узнала, что это был главный российский австраловед! Поэтому, когда мы встретились, он для меня уже был героем. И он сказу сказал о своих трех так называемых недостатках: «Я еврей. Я сидел. Я невыездной». Это-то меня и подкупило! И, конечно, отчасти в истории нашего союза лежала наша общая увлеченность Австралией, которая выходила далеко за рамки чисто научного интереса к теме.

Когда в 1990 год нам наконец-то удалось добраться до ее берегов и остаться, потеряв все, «нажитое» в прежней жизни, мы, несмотря на все житейские испытания, были счастливы. Реакция Владимира Рафаиловича была очень неожиданной — он вдруг почувствовал себя совершенно свободным. В детстве и юности он писал рассказы на исторические темы, которые побеждали на конкурсах, занимался в литературной студии и хотел стать писателем. Но почти все его работы сгорели в печах Лубянки, когда он был арестован, путь в писатели для него был закрыт, и после лагеря он стал ученым, вложив в эту работу всю свою душу. Но это сделало его стиль сугубо академическим, а в Австралии, в это самое тяжелое время, он вдруг начал писать, как писатель. Огромный мир, который он носил в себе, просто ложился на бумагу. Так и появилась книга «Дорога в Австралию».

В Австралии Владимиру Рафаиловичу удалось в полной мере осуществить и свой давний план — исследовать духовную культуру древних традиционных обществ. Еще из лагеря он писал родителям, что если он выйдет на свободу, то посвятит себя изучению духовной культуры первобытного человека, но в Советском Союзе такие исследования, если они хоть на шаг отступали от марксистских догм, были невозможны. Его главная книга «Круг и крест: Размышления этнолога о первобытной духовности», была опубликована в Австралии в 2002 году, а затем в 2008 году и в России. Главной идеей этой работы является мысль об основополагающей роли религии в формировании человека. Одна из ее глав так и называется 'Homo religiosus'.

Другая его книга «Ванджина и икона: Традиционная живопись аборигенов Австралии и русская иконопись» (Канберра, 2002) обращается к глубинным пластам человеческого сознания, к истокам чувства священного, обнаруживая удивительные параллели между древней религией аборигенов и русским православием. Последние работы Владимира Кабо написаны в жанре философского эссе и составили сборник «Вечное настоящее» (Канберра, 2006). Здесь древние архетипы человеческого мышления сталкиваются с феноменами недавнего прошлого — народ и власть, тюрьма и общество, община, революция и новые религиозные движения. Последней работой Кабо, над которой он работал, уже будучи тяжело больным, стало новаторское исследование «Этническое христианство как историко-этнологическая проблема». Этническое христианство — своеобразное религиозное явление, сложившееся на основе христианства и дохристианских верований — характерно и для современного русского христианства и для христианства австралийских аборигенов. Этот очерк, как и предыдущие работы Владимира Кабо, был опубликован в «Австралийской мозаике».

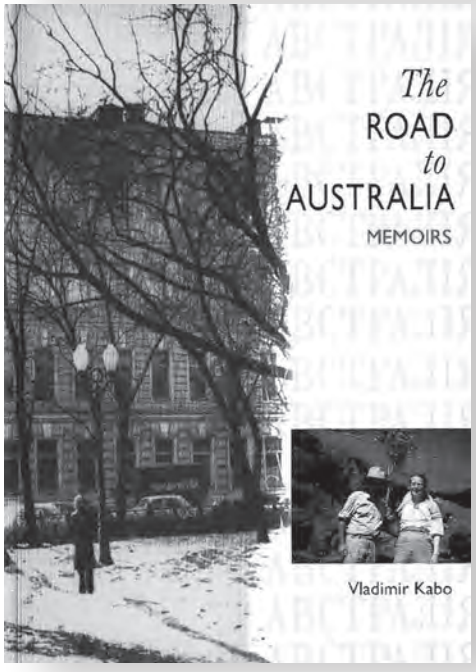
В записной книжке Владимира Рафаиловича осталась его заметка, помеченная мартом 2009 года, за три месяца до его смерти: 'Encyclopedia of Aboriginal Australia', вероятно, претендует называться научным изданием. Оно, конечно, может давать хорошие образцы фольклора аборигенов, знакомить с их традиционным способом мышления. Но вот мы раскрываем статью 'Dreamings' — центральное понятие древней религии. И что же? Нам не объясняют, что такое Dreamings, а просто абориген одного из многочисленных племен рассказывает нам свой dreaming — так, как его научил его отец, как учили предки. Да, он священный, мы это чувствуем. 'Jukurrpa will never end'. И нас отсылают к научной литературе. «Замечательное явление — два типа мышления в одной книге, более того,— два мира. Два мира, представленных в мышлении современного человека. [...] Необъятная тема совмещения двух миров.

Обложка книги «Круг и крест»

Обложка книги «Дорога в Австралию». 1995 г.

Обложка книги «Дорога в Австралию». на английском языке

11 марта 2025 в Зале ученых советов Института этнологии и антропологии РАН состоялся «Круглый стол», посвященный столетию со дня рождения выдающегося исследователя, этнолога и социального антрополога, австраловеда, океаниста и теоретика социальной эволюции — Владимира Рафаиловича Кабо. Эта фотография сопровождала чествование Владимира Рафаиловича. Под нею подпись: «Новые книги В.Р. Кабо — в дар любимой библиотеке МАЭ, 2007 г.»

Их совмещение, в последнем счете, дело нашего Творца, Творца нашего сознания».

Книгу своих воспоминаний «Дорога в Австралию» Владимир Рафаилович писал как послание в будущее, как письмо только что родившемуся сыну Ральфи. Но Ральфи стал не только духовным наследником мира своего отца, но и сыграл большую роль в его, если можно так сказать, электронном наследии. Для ученого, конечно, очень важно, чтобы его работы были востребованы, но в 1990-е годы Владимир Рафаилович оказался практически оторванным от российской этнографии. В 1999 году, с появлением у нас компьютера с интернетом, мы прежде всего, с помощью нашего друга Андрея Ланькова, создали первый сайт с работами Кабо. Семилетний Ральфи все это наблюдал и вскоре взял всю техническую сторону работы в свои руки.

Я помню, как уже под его руководством мы делали компакт-диски с текстами сайта, которые отвезли в Россию в 2002 году и подготовили к печати первый вариант трех книг Владимира Рафаиловича, посвященных истокам религии. Мы сделали главные тексты открытыми, это был своего рода эксперимент, но он сработал, потому что новое поколение студентов очень оценило доступ к электронным текстам. В студенческих чатах можно было прочитать, как они обсуждали работы Кабо, а про слова одной девушки: «Кабо я абсолютно доверяю» Владимир Рафаилович сказал, что это была лучшая рецензия, которую он получил! Теперь Раф, уже сам доктор философии, сделал новый современный сайт, https://vladimirkabo.com/, где выложены все работы Владимира Рафаиловича и материалы его родителей Рафаила Михайловича и Елены Осиповны Кабо.

Владимир Рафаилович происходил из еврейской семьи, однако его родители еще в юности ушли в революцию (они были марксистами-меньшевиками), а затем стали учеными. И хотя Владимир в тяжелый период жизни, после смерти первой жены, принял крещение у отца Иоанна Крестьянкина, с которым когда-то сидел в лагере, у него не было бытовой религиозности — ни православной, ни еврейской. Однако в книге своих воспоминаний он написал об одном важном моменте в своей жизни, когда в 11 лет он впервые отправился из Москвы в Бердянск, чтобы познакомиться со своим еврейским дедушкой, Михаилом Рафаиловичем Кабо: «И вот солнце заглядывает в низкие окна первого этажа в скромном жилище старого городского портного, бутыли с наливками на подоконниках, низкие потолки, плюшевая обивка на старой мебели, пряные запахи кухни в доме и во дворе. Смеркается, сегодня пятница, и вот дедушка, с его седой бородкой, в чистой рубашке с галстуком и жилетке, зажигает свечи в металлическом шандале на столе, наливает в мой стакан из потемневшего стекла слабое виноградное вино и произносит древнюю, как мир, молитву, славящую наступающую субботу. Я запомню этот вечер, этот древний обряд на всю жизнь, и много лет спустя пойму, что это был один из самых важных вечеров в моей жизни...»

В прошлом году, когда Рафу, который уже в 7 лет заявил, что он «верит в науку, а не в религию», предстояло вступить в брак в Англии с Харриет, девушкой из семьи, практикующей иудаизм, мы вели с ним долгие разговоры о роли религии в нашей «идентичности» и о духовном мире Владимира Рафаиловича. На бракосочетании в старом аббатстве Раф и Харриет заключили светский брак, сопровождавшийся церемонией, которая включала в себя элементы еврейского обряда. Они обручились под хупой, которую Раф сам построил из стволов берез, и зажгли свечу, где огни от двух семей слились в единый огонь. Но самое главное, что Раф на церемонии благословения зачитал отрывок из книги отца, где тот вспоминал тот далекий вечер своего приобщения к многовековому наследию своих предков.

Столетие со дня рождения Владимира Рафаиловича отметили в его родном Институте этнологии в Москве посвященным ему «Круглым столом», где выступали его коллеги и ученики. Особенно приятно было узнать, что молодые ученые Елена Белоусова и Владислав Матвеев исследуют работы Владимира Рафаиловича, связанные с истоками религии. А Сергей Алымов, используя архив научной переписки Кабо и его коллег, занимается восстановлением истории интеллектуального сопротивления в советской этнографии двадцатого века.

Австралия для Владимира Рафаиловича стала домом. Здесь он посадил дерево и вырастил сына, здесь он завершил свои главные книги. Он покоится на лесном кладбище под Канберрой, в Австралии, с сухой красной землей, с которой он чувствовал свою неразрывную связь и на земле которой был счастлив. ■

Канберра. 2025

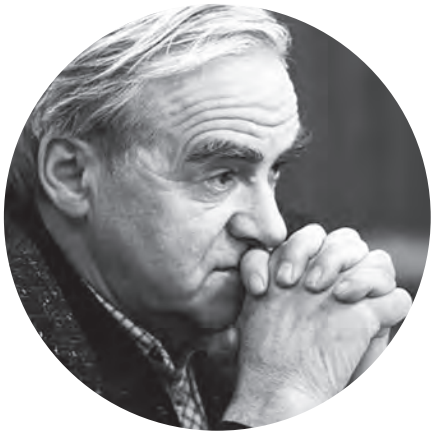
Мама, папа и подросший сын

Ральфи Кабо. 2022 г.

Могила Владимира Рафаиловича Кабо

ДАНИИЛ ГРАНИН

МЕСЯЦ ВВЕРХ НОГАМИ

(Отрывок из книги)

ПО ПОРЯДКУ

Путешествие [в Австралию], если рассказывать по порядку, началось с того, что я поехал на Васильевский остров, в Музей антропологии и этнографии Академии наук. Последний раз я был в этом музее, когда меня интересовали индейцы, скальпы, Фенимор Купер.

На дверях музея, конечно, висело — «Выходной день». Действовал неумолимый закон, согласно которому вы подходите к остановке как раз тогда, когда отходит нужный вам автобус, бутерброд падает маслом вниз, а дождь — когда вы без плаща и посреди площади. «Приходите завтра», — сказал вахтер. Но у меня не было завтра: вечером я уезжал в Москву. А оттуда в Австралию. Я всё отложил на последний день. И музей. В глубине души я не верил. В любую минуту Австралия могла сорваться. У такой дальней поездки есть масса возможностей сорваться. Где-то, кто-то, что-то... Визы, посольства, валюта, разрешения, международная обстановка, внутренняя обстановка...

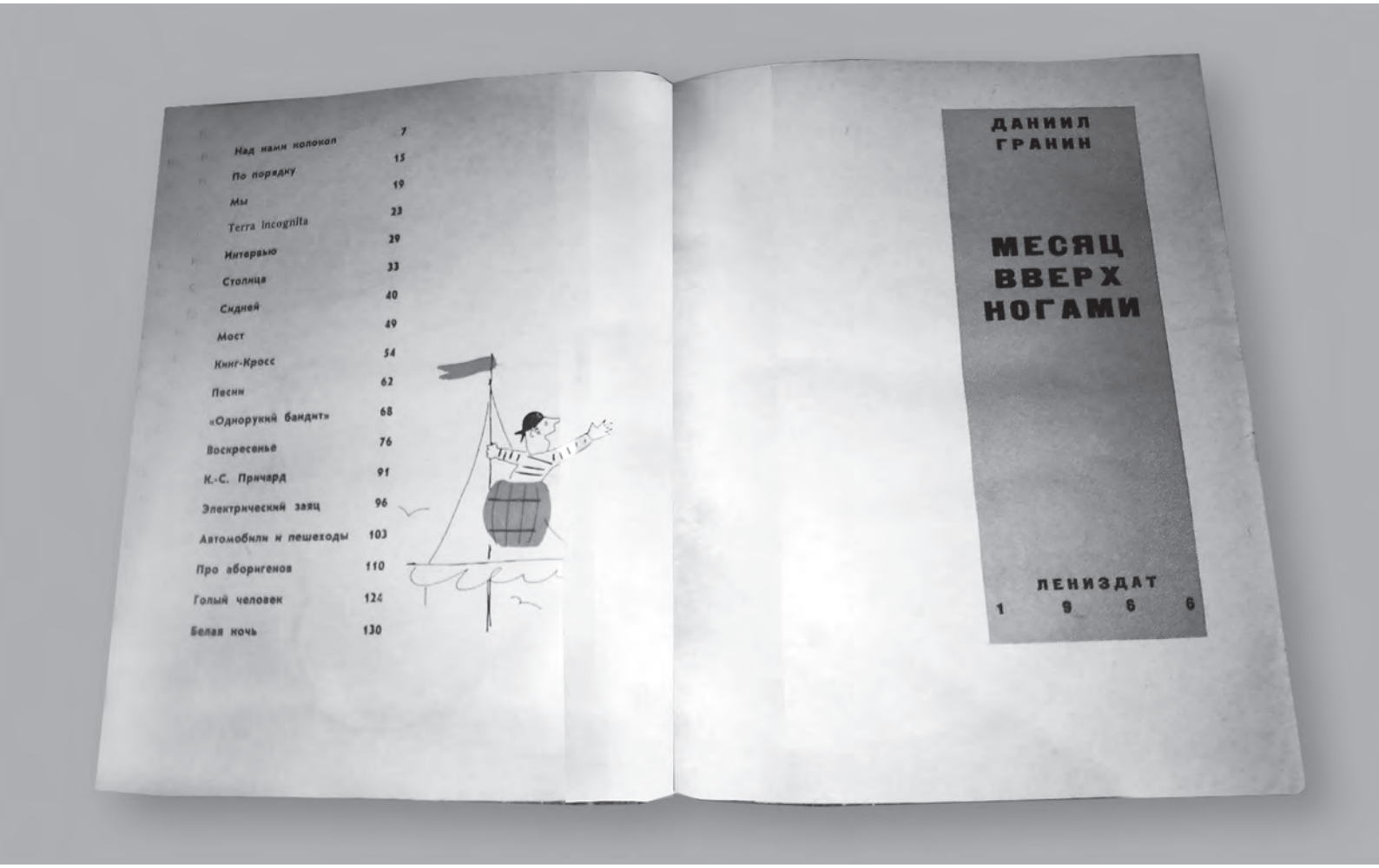
С зарубежной поездкой нужно обращаться умело. Лучше всего относиться к ней свысока. Ее не следует ждать, и ни в коем случае к ней нельзя готовиться, читать книги или смотреть карту. Она любит, когда ее бранят, когда от нее отмахиваются: зачем эта поездка, не нужна она, не до нее сейчас, отрывает от работы, путает планы. Опытный путешественник — тот вообще помалкивает, на вопросы неохотно бурчит: выдумали какую-то Австралию, шут ее знает, где она, жили мы без Австралии и хлопот не знали. Любезный и чуткий от скуки вахтер сообщил, что, кроме музея, тут есть институт того же названия. Я позвонил из проходной.

Длинная, заставленная книжными шкафами комната была отделом Австралии. Ничего особенного я не увидел в этой комнате. В глубине ее сидели два научных сотрудника в пиджаках и брюках и пили чай с соевыми батончиками. Я подозрительно огляделся и попросил рассказать мне про Австралию.

Некоторое время они деликатно пытались выяснить, что именно меня интересует: история, промышленность, искусство, фауна. Я никогда не подозревал, что все эти штуки есть в Австралии. Перед размахом моего невежества они быстро скисли. Позже я узнал, что в своих научных спорах они отличались твердостью и строгостью, но тут они вели себя беспомощно. На них жалко было смотреть. С виноватым видом они показывали книги, десятки, сотни книг, справочники, альбомы, оттиски своих научных работ. Хуже нет иметь дело со специалистами. Я им прямо сказал: «Не стану я ничего читать. Не надейтесь. Лучше уж я поеду так. Непосредственно. Как Джеймс Кук. — Тут я спохватился и добавил: — Если я вообще поеду, потому что некогда мне ездить».

Они улыбнулись как-то опечаленно. Никто из них, оказалось, в Австралии не был. Всю жизнь они изучали Австралию издали, как астрономы. Они знали про Австралию всё. Ее краски, ее людей, запахи, легенды, песни, живопись. Точность их знаний я мог оценить, лишь вернувшись из Австралии. Я пришел в институт рассказать о поездке и не заметил, как стал слушать их рассказы.

А в тот первый раз Владимир Рафаилович повел меня в музей. В пустом полутемном зале сидели за стеклом

Книга Даниила Гранина «Месяц вверх ногами»

пыльные аборигены среди своих бумерангов, топоров и копьеметалок. Коллекции были составлены Миклухо-Маклаем и затем А. Ященко. С тех пор как шестьдесят лет назад Австралию посетил Ященко, особых пополнений музей не получил. Экспедиций не посылают. Владимир Рафаилович — один из тех наших австраловедов, которые изучают аборигенскую жизнь во всех подробностях; его можно пустить к аборигенам, и никто не отличил бы его от любого обитателя-аборигена. Но, сидя на Васильевском острове, Миклухо-Маклаем не станешь. Слушая его, я чувствовал, что он готов хоть на плоту, как Тур Хейердал, добираться до своей Австралии. Сколько возможных Миклухо-Маклаев, энтузиастов, мужественных, самоотверженных, несостоявшихся путешественников вынуждены проводить свою жизнь в таких комнатах, заставленных книжными шкафами. «Дались вам эти аборигены! — говорил я, ища слова утешения.— Первобытная нация. Что они могут дать нашему веку?» В глазах Владимира Рафаиловича появилась древняя тоска этнографа от древнего людского невежества. «Раса! — устало поправил он.— Раса, а не нация. Целая человеческая раса. Одна из четырех рас. Они самое первобытное общество из оставшихся на земле. Поймите, как это важно для науки»,— и он безнадежно махнул рукой.

Я вышел на набережную, получив первое свое австралийское расстройство.

Лед на Неве лежал еще крепкий. Лыжники возле университета садились в автобус. Легкий снег медленно кружился, не падая, а поднимаясь вверх. Навстречу мне шел Лева Игнатов. «Откуда, куда?» — спросил он. Он не дослушал меня. Недоверие — не то слово. Он воспринял новость как глуповатую шутку. «Какая Австралия? Неостроумно. Сорок градусов жары и купание? Не существует.— Он поднял воротник.— Австралия? Понятия не имею. Это что-то вроде Атлантиды. Ты видел когда-нибудь человека, который был в Австралии? То-то. Старик, очнись, мы ж с тобой не школьники. Австралия! Антиподы! Люди, которые ходят вверх ногами! Мистика. Неужели ты до сих пор веришь? Тебе надо проветриться; махнем лучше в Кавголово на лыжах!» Его румяная морозная физиономия выражала такую уверенность, что моя Австралия растаяла, показалась выдумкой, и такой она оставалась долго, пока мы не ступили на раскаленные плиты сиднейского аэродрома. ■

Лениздат. 1966 г.

ВЛАДИМИР КАБО

ДОРОГА В АВСТРАЛИЮ: ВОСПОМИНАНИЯ

(Отрывки из книги)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жене моей Лене посвящаю

Дорогой мой сын, когда ты начнешь читать эту книгу, меня, скорее всего, уже не будет на свете. Это — как бы мое письмо тебе, письмо издалека, из другого мира, из иной жизни, так непохожей на всё, что знакомо тебе с детства. Трудно определить жанр этой книги. Что это — исповедь, воспоминания? И то, и другое. Это — рассказ человека о самом себе, о том, как он созревал, как становился тем, кем он стал. Это — опыт самопознания, попытка понять себя, свою духовную эволюцию, свою судьбу. Понять свое время и свое место в нем. Книга эта намеренно субъективна, я пишу в ней о том, как я видел мир и людей — и среди них самых близких мне: моих родителей. Их личности, их судьбы, богатство их духа — это огромная, необъятная тема. Мне ее не исчерпать, и такую цель я не ставлю перед собой, я пишу лишь о том, что значили они в моей жизни, чем они были для меня, какими остались в моей памяти. Это особенно относится к моей матери: я пишу о матери и сыне, о глубокой, интимной связи между ними, которая прошла через всю мою жизнь.

И о своих родителях, и о многих других людях, и о событиях, свидетелем которых я был,— обо всем этом можно сказать гораздо больше, полнее, объективнее. Но я пишу о том, что и как прошло через мою душу. О том, что сохранила моя память и как это отлилось в моем сознании. Память ведь избирательна, и полная объективность все равно недостижима. Мне хотелось донести до тебя живое, непосредственное ощущение моего времени, его воздух, его краски — и дать тебе почувствовать меня самого.

Я пишу свободно, не задумываясь о законах жанра,— это как бы неуправляемый поток воспоминаний, ассоциаций, мыслей; я включаю в него то письма родителей ко мне в лагерь — бесценный человеческий документ — и мои письма к ним, это рассказ о своих научных работах, идеях — о том, что и как сделано мною в науке. Особенно подробно — о моей последней книге, которая так и осталась в рукописи. Ведь в жизни ученого, и в моей жизни, самое главное — его работы, его идеи, ими наполнена и ими оценивается его жизнь, и они остаются после него.

Быть может, оправданием мне могли бы прозвучать слова Николая Бердяева о его автобиографической книге «Самопознание»: «Книга эта откровенно и сознательно эгоцентрическая... Дело идет о самопознании, о потребности понять себя, осмыслить свой тип и свою судьбу... Я пережил события моего времени как часть моего микрокосма».

Рассказ мой часто, и намеренно, импрессионистичен, несистематичен, раскован: я хотел передать хаотичность, абсурдность своего времени, самого бытия — и смятение собственного духа. Выразить скрытое за поверхностью явлений. Стройная композиция классической мемуарной литературы этого

не передала бы. Это — как волны, которые прихотливо и свободно накатываются на берег, к твоим ногам, из океана прошлого.

Я пишу, чтобы выразить себя, пишу потому, что не могу не писать, и пишу то, что мне хотелось бы высказать.

Мне пришлось пережить эпоху значительную — одну из самых значительных в истории нашей страны и остального мира. Это — и роковые 1930-е годы, и катастрофа мировой войны. Это — Московский университет 1940-х годов и лицо моего поколения, быть может, не менее характерные для своего времени, чем университет и поколение 1840-х годов, изображенные Герценом. Это — сталинский лагерь и последующие безнадежные, сумрачные годы. Это пробуждение 1980-х годов. Всё это определило судьбу России и душевный облик людей, населяющих её, на десятилетия вперед. Это — не только история, не только прошлое нашей страны, это и её настоящее. И всё это прошло через меня и сформировало мой духовный мир, и вот это я и хотел бы донести до тебя.

И еще мне хотелось рассказать тебе о том, как и почему твои родители оказались в стране, где родился ты. Для меня это было завершением жизни, для тебя — её началом. Книга моя — рассказ о дороге в Австралию. И к самому себе.

Эпиграфом к своим воспоминаниям, которые мой отец начал писать к концу жизни, он взял слова Мопассана: «Человек борется со смертью в своих воспоминаниях». Здесь, в этой книге, я тоже пытаюсь остановить беспощадное время. Преодолеть смерть и забвение, вырваться из потока времени — не к этому ли стремился я во всём, что мне приходилось писать. На это направлено любое человеческое творчество, к этому стремится каждая религия — здесь, в этой книге, я пишу и об этом.

Человеку не победить ни времени, ни смерти. Но он способен — в лучшие, наиболее гармоничные мгновения своей жизни — ощутить Высшую силу, — ощутить ее в себе, в своей судьбе. И этого, быть может, достаточно.

МОЯ АВСТРАЛИЯ: ЭПИЛОГ

Освобождение приходит не сразу. И всё же чем дальше от дома уносил нас самолет, тем полнее освобождалась душа от всего, что сковывало ее все эти последние недели перед отъездом. И постепенно приходило понимание, что жизнь в оставленном нами непредсказуемом и зыбком мире, под властью стихийных, враждебных сил — позади.

Из дневника Лены, *28 августа 1990 года: «Вот и наступил день нашего отъезда в Австралию. Я его ждала двадцать лет, а Володя — тридцать три. Но глядя на нас, никто бы не подумал, что это двое самых счастливых людей в мире, которые дождались своего часа. Угнетало, как и в предыдущие дни, предстоящее унижение, бесправие, абсурдность. Вспоминаю начало книги Витковской — счастливая толпа провожающих: „В Австралию!" Но это было в 1890-е годы. А мы не знаем — улетим или нет. Даже толком не попрощались ни с кем...» И после пограничного контроля, после посадки в самолет: «Взлетели. Вот теперь всё. Всё позади. Мы свободны! Вспомнила фразу из Р. Бершадского, как в самолете раздался голос из динамика: „Группа, следующая в Австралию, просьба покинуть самолет". Это — уже 1960-е годы. Вот теперь-то я его поняла...» И еще несколько строк, впечатления полета: «За окном — черно. Было в этом самолете, наполненном всеми благами цивилизации, пролетающем над бескрайними просторами голодной, нищей, темной России, что-то почти мифологическое, вроде материализации культа карго...»*

Выйдя из сиднейского аэропорта, мы увидели островок зеленой травы, — несколько казуарин[1] склонялось над ним, — бросили на него свои вещи и сами бросились на землю в счастливом сознании, что этот клочок австралийской природы — это сама Австралия, и впервые испытали ни с чем не сравнимое ощущение австралийской земли под собою.

Австралия из окна автобуса, следующего из Сиднея в Канберру, оказалась такой, какой мы ее и представляли всегда. Зеленые холмы, по которым скользили тени облаков, прозрачные, наполненные солнечным светом эвкалиптовые леса, буйное золото акаций, каменистые русла рек в глубоких тенистых ущельях, стада овец на огороженных паддоках, одинокие фермы. Неожиданно за поворотом — голубые просторы озера Джордж, самого загадочного озера в мире, — оно то появляется, то исчезает, — и, наконец, утопающая в море цветущих деревьев Канберра — город, где дикая природа повсюду соседствует с очеловеченной, не менее прекрасной. И всю дорогу нас не покидало мистическое чувство узнавания, возвращения на

[1] Казуарин — живучий приспособленец, Казуарины произрастают в Австралии. Они не обладают яркой внешностью. Издали это растение можно спутать с длиннохвойной сосной, отчего переселенцы из Англии и назвали его сосной австралийской. Забавно, что игловидные побеги по строению напоминают перья австралийской птицы казуара, в связи с чем род этих растений и получил свое название.

Австралийский автобус с изображением гончей на борту

давно знакомую землю. На землю, по которой мы тосковали как по надолго утраченной родине.

В Канберре и состоялась наша первая встреча с аборигенами. При входе в Институт по изучению аборигенов, за столом, сидела грузная темнокожая женщина, в ее густых темных волосах пробивалась седина, а выразительные темно-карие глаза ее светились умом и доброжелательством. На столе перед нею стоял селектор, время от времени она говорила что-то в микрофон, и тогда ее голос звучал по всему институту. Это была Айрис Клейтон. <...> Мы сидели за столиком в маленьком университетском кафе, и Айрис рассказывала нам о себе, о своей жизни. Среди ее предков были ирландцы, англичане, индийцы, аборигены <...>. Но она считает себя аборигенкой, сознанием и сердцем она принадлежит аборигенам. На берегу реки, носящей название, данное ей аборигенами,— Маррамбиджи,— там, где когда-то жили ее предки, она купила ферму, и теперь живет на земле, принадлежавшей ее матери и матери ее матери — это через них передается в ее племени память о принадлежности человека к определенной местности. Ибо человек принадлежит земле так же, как и земля — ему. <...> Она хотела бы, чтобы ее внуки поняли главное: земля — их мать, и человек должен жить там, где жили его предки. По словам Айрис, память о происхождении от аборигенов усваивается ребенком даже в том случае, если он воспитывался в интернате или был усыновлен белыми родителями <...>. Мы побывали в гостях у Айрис, на ее ферме, километрах в тридцати от Канберры. Мы ночевали в ее доме на холме, открытом ветру и солнцу, и спускались к реке, пробившей русло в глубокой лощине, среди скал, песчаных отмелей и густых зарослей. А когда мы уезжали, Айрис подарила нам свое стихотворение:

Мы живем в мире белого человека,
Лишенные прошлого.
Мы и наши земли скоро вновь соединятся,
Лишенные прошлого.
Но что наши души, наш дух, наши сердца,
Лишенные прошлого? <…>

...Сентябрьским вечером мы выехали в Аделаиду автобусом с изображением гончей на борту. И вот — первый рассвет за окнами автобуса; а сколько таких рассветов предстоит нам впереди!.. Красная земля в косых лучах солнца; кенгуру у дороги. Мильдюра — старый город в колониальном стиле, дома с резными верандами, ветлы склонились над Мурреем. А позднее — Аделаидский университет, куда нас ввела Ольга Гостин, русская, из древнего княжеского рода Кочубеев. Когда-то, еще студенткой, она, совсем одна, провела целый полевой сезон в папуасской деревне в глубине Новой Гвинеи, собирая материал для диссертации, а теперь сама обучает студентов-аборигенов, посвящая их в историю их собственного народа. <...> Мы узнали впервые, что в австралийских музеях предметы, связанные со скрытой от непосвященных религиозно-культовой жизнью аборигенов,— в традиционных условиях могут видеть только мужчины, прошедшие инициацию. <...>

В Брисбене, в Антропологическом музее Квинслендского университета, меня как мужчину, да еще пожилого, всё же пустили за закрытую дверь, а Лену как женщину,— оставили перед дверью. <...>

И я вспоминаю, как и сам когда-то был хранителем чуринг[2] в далеком Петербурге, в старом здании на Васильевском острове. Правда, я не прятал их от нескромных посторонних глаз, но сам я, пожалуй, был единственным, кто мог бы рассказать их историю, объяснить, какому племени и какой тотемической группе они принадлежали, что означают эти загадочные знаки на их поверхности. Я тоже был посвящен. <...>

Все человеческие кости, найденные при археологических раскопках,— кости, которым десятки тысяч лет,— отдают аборигенам для захоронения, потому что аборигены считают их останками своих предков, а их хранение в музеях или университетских лабораториях — святотатством. А это означает, что бесценные материалы навсегда гибнут для науки.

...А потом — опять дорога, серое небо в тучах, короткий дождь, и вот впереди — огромная радуга, верная примета ожидающей нас удачи. И уже совсем в темноте — Порт-Огаста. <...> Мы побродили по темным, пустынным улицам. <...> К станции, когда мы вернулись, подъезжали роскошные японские машины — они подвозили и увозили аборигенов, взрослых и детей, целые семейства. Большая группа аборигенов села в наш автобус. <...> Возможно, мы были свидетелями традиционного сбора людей разных племен — но с помощью современного транспорта.

А когда забрезжил рассвет, я открыл глаза и увидел пустыню, лишенную человеческого жилья, и у дороги — бочку с красным флагом. Водитель наш вышел, забрал из бочки почту, сунул внутрь бочки несколько пакетов, а с ними и флаг, вернулся на свое место, и мы поехали дальше.

И опять — красная земля, тускло-зеленые заросли спинифекса, сухие песчаные русла рек, и только в русле Финка кое-где поблескивает вода. Одинокая гостиница под вывеской «Пустынный дуб». Гряда невысоких синих гор, замыкавшая горизонт, раздвигается, и вот в долине — Алис-Спрингс, сердце Центральной Австралии. Город, где аборигенов встречаешь на каждом шагу — они бродят по улицам, сидят в закусочных, пьют пиво и лениво рассматривают прохожих, полулежа под эвкалиптами. Спешить им некуда и незачем — ведь это их земля. А вечером — открытие выставки картин художников-аборигенов.

Один из них, с лицом, будто вытесанным из темного гранита, и глубоко посаженными глазами, в рубашке без рукавов и с голыми до плеч руками, стоял у своей картины. Звали его Барни Даниэль Тьюнгарайи. Его картина напоминала звездное небо. Вся она была заполнена, как бесчисленными звездами, круглыми разноцветными точками, они клубились, образуя спирали, подобные небесным туманностям, или концентрические окружности, в нижней части картины распласталась ящерица, выше змеились волнистые линии, и через всё это прошел некто, оставив за собой цепь четырехпалых белых следов. Скорее всего их оставила ящерица, а сама она была ипостасью творца-демиурга. Казалось, мы стали свидетелями создания мира из хаоса. В колорите картины узнаваемо звучали краски пустыни.

«Что изображено на вашей картине?» — спросили мы художника. «Это — моя земля». В голосе его мы услышали сдержанную гордость. Он застенчиво улыбнулся. «Это земля вашего тотема?» — допытывался я. «Да, это — мой дриминг».

Иначе говоря — мое сновидение, мой тотем, мой миф. Моя духовная сущность, неразрывно связанная с землей, одухотворяющая землю. За символикой абстрактных форм скрывалось содержание тотемической мифологии, но расшифровать эти символы мог только сам художник, да еще, может быть, несколько посвященных. За ограниченным набором символов стояла целая система представлений о мире, древняя, как само человечество.

Такая немногословность — и какое богатство творческого воображения!

У других картин стояли две художницы, Нола и Мэри Напангардьи, вероятно сестры. Их картины были сделаны в той же технике и манере, а их ответы были такими же сдержанными. «Это — наш дриминг»,— пояснили они.

Для меня это было открытием: ведь тотемическая мифология, казалось мне, доступна только посвященным в нее мужчинам, она всегда хранилась ими в тайне от непосвященных, от женщин. Но, быть может, эти сестры знали ее не во всей полноте и глубине, и им была открыта лишь некая ее часть? А скорее всего, женщины имели собственную религиозно-мифологическую систему. «Вы знаете свои тотемы, свой дриминг?» — спросил я. «Да, знаем»,— ответили они. И ничего больше узнать у них было невозможно.

Но, пожалуй, важнее было другое открытие. Ведь еще недавно мир восхищался картинами аборигена из племени аранда Альберта Наматжиры и других художников его школы, они создавали реалистические пейзажи Центральной Австралии, прекрасные, одухотворенные, но лишенные тайны,— произведения в традициях европейской реалистической живописи. С Наматжирой и его учениками эта волна ушла в прошлое. Нынешние художники-аборигены приняли на вооружение лишь технические средства европейского искусства — в остальном они вернулись к художественному наследию своего народа, преобразив его выразительные возможности с тем, чтобы оно передавало богатство и сложность мировоззрения

[2] Чуринга — дощечка или камень с рисунком, предмет культа некоторых племён австралийских аборигенов; считается воплощением тотема.

современного аборигена. Мировоззрения, в котором традиционная религия играет по-прежнему ведущую роль. Изображение видимого мира снова сменилось воспроизведением мира духовно познаваемого, видимого внутренним зрением. Произведения, создаваемые современными аборигенами, может быть, одно из высочайших достижений мирового искусства. И к тому же аборигены дарят миру нечто совершенно оригинальное, такое, чего мировое искусство еще не знало.

Говорить с ними трудно, но это потому, что духовно мы находимся в разных мирах. Мы говорим на разных языках — не только в лингвистическом смысле, но и в ментальном. Проникнуть в их мир нелегко, это дано не каждому.

Поселение аборигенов аранда и питьяндьяра на окраине города — нас привозит сюда его глава, Дерек Йунари. Стандартные дома, каждый — для одной семьи. Около одного из домов аборигены, сидя на земле, пьют пиво из жестяных банок. Между домами бродят собаки, свалены в кучу пустые жестянки из-под пива. Дерек приглашает нас в свой дом и с достоинством проводит по комнатам. Несколько спален, кухня, туалет, душ. Комнаты почти пусты. Голые кровати — впечатление такое, что ими не пользуются. На полу — груды хлама, голые стены, всё запущено и грязно. Не пользуются, видно, и кухней — еду готовят на очаге, устроенном перед домом. Как будто здесь поселилась семья кочевников, непривычных к оседлой жизни — поселилась ненадолго и скоро уйдет в другое место. Можно подумать, что все эти атрибуты цивилизации им чужды, да и стены их стесняют — многие предпочитают спать под звездами.

Дети — в школе. В тринадцать-пятнадцать лет мальчиков «уводят в буш». «Для чего же?» «Это — наш бизнес, наше дело»,— поясняет Дерек. Это значит, что где-то в потаенном месте, выбранном стариками, мальчики проходят обряды инициации — обряды, в которых они самоутверждаются как наследники древней культурной традиции, тысячелетних духовных ценностей. Они возвращаются оттуда посвящёнными в тайны религии и мифологии своих предков, и о том, что происходило с ними, не рассказывают никому. Древняя духовная культура воспроизводится с каждым новым поколением, и так происходит повсюду, где аборигены стремятся сохранить себя как народ, сберечь драгоценное наследие своей культуры.

Потом нас подводят к нескольким жалким кустикам, которые растут на пустыре посреди поселка. «Это — наш огород»,— говорит молодая аборигенка. Мы хвалим ее, и лицо ее озаряется счастьем и гордостью. И в самом деле: все ее предки, сколько их ни было, охотились и собирали дикорастущие растения, а она первая сумела вырастить вот эти саженцы. Кто знает, может быть, потребовалось героическое усилие, чтобы вот так, на протяжении жизни одного поколения, пройти путь от охоты и собирательства к земледелию, от кочевой жизни к оседлой — совершить революцию, на которую другие народы затратили столетия. И нам становится ясно, что мы, со своими представлениями о том, что хорошо, а что плохо, и как следует жить, не имеем никакого морального права судить этих людей. В глубине своей души аборигены всё еще не здесь — они там, в буше или в пустыне, где старики раскрывают перед подростками подлинную сущность бытия, а те, вырастая, пытаются выразить ее загадочными символами своих картин. Или обновляют древние рисунки в пещерах и на скалах, у высохших водоемов.

А потом мы вспоминаем, что технические достижения современной цивилизации вовсе не чужды аборигенам — ведь они охотно пользуются автомобилями, ну хотя бы для того, чтобы отвезти к месту инициации подростков. И еще раз мы убеждаемся в этом в Центре радио и телевидения для аборигенов.

Здесь мы знакомимся с Фридой Глин, его руководительницей. Фрида — аборигенка, мать её говорила на пяти языках Центральной Австралии, Фрида знает только английский, но читала в переводе Чехова. У нее — большой штат сотрудников, и передачи идут в эфир на нескольких центрально-австралийских языках. Аборигены узнают по радио местные новости, с помощью радио они передают друг другу устные сообщения за десятки и сотни километров, им не нужно теперь посылать к людям отдалённых племён особых вестников, как делалось прежде. Молодые аборигены, сидя перед телевизором, слушают стариков,— их рассказы о прошлом, мифы и предания,— как когда-то они делали это, сидя у костра. Радио и телевидение стали средством возрождения древней цивилизации аборигенов. Они учат аборигенов уважать свое культурное наследие, свою тысячелетнюю историю — учат их самоуважению, ведь нет ничего губительнее для народа, чем комплекс неполноценности.

А где же учатся дети Дерека Йунари? Может быть, вот в этой школе, символически названной Йипиринья. Здесь детей-аборигенов обучают основам двух культур — современной австралийской, в условиях которой им придется жить, и той, традиционной, с которой они связаны от дня рождения. И образование ведется не только на английском, но и еще на нескольких туземных языках Центральной Австралии. Мы знакомимся с директором школы, аборигеном,— имя его Кевин Буззакотт. От него мы и узнаем, что Йипиринья — это большая гусеница, когда-то она была тотемом людей, населявших эти места. «Она была боссом их душ,— объясняет нам директор.— Во времена сновидений...» И он рассказывает нам о трагедии аборигенов, о ее причинах, о том, как важна была для аборигенов связь с землёй,— земля

Аборигенское поселение в Северной территории

была священной для них, на ней находились их святилища; но европейцы насильственно отторгли эту землю. Священное для аборигенов было поругано пришельцами.

Покидая Алис-Спрингс, мы снова увидим высохшее русло реки Тодд — как будто след огромной гусеницы, которая проползла здесь когда-то.

И снова — красная пустыня на много километров вокруг. Вечер, остановка. Девочки-аборигенки под окнами ярко освещенного паба. «Кто вы?» — спрашиваем мы их. «Мы — аранда». — «Как же вы сюда попали?» — «А мы приехали вот на той Тойоте». А потом одна тихо-тихо, как шелест ветра: «Миссис, а это правда, что у вас в России идет снег?»

И опять — утро, за окнами автобуса всё та же красная земля и, куда хватает глаз, бесчисленные термитники, похожие на обломанные бурей стволы деревьев. Земля местами горит, пламя мечется у самой дороги, жар его мы чувствуем даже через стёкла. И вот, наконец, Дарвин — пальмы, дома на сваях, океан. В одном из таких домов, за сетками вместо стекол, едва спасающими от жары, под вентилятором, подвешенным к потолку, на матрасах, брошенных на пол, нам и предстоит жить. А потом — теплая лунная тропическая ночь, и на соседней улице —пение аборигенов, сидящих на земле перед своим домом.

И вот мы идем по заповеднику Какаду с сорокалетним крепким, бородатым чехом, которого зовут Иван Хасковец. В 1968 году он, по его словам, защищал Прагу от советских танков, потом бежал, учился в Мельбурне, стал археологом и уже десять лет работает хранителем наскальных изображений парка, а их зарегистрировано до полумиллиона. Весь необъятный лес вокруг — в нагромождениях скал, и рисунки — на каждой скале. Из поколения в поколение аборигены, населяющие эту землю, знали, помнили, что́ изображено на этих рисунках, делали новые. Они и сейчас владеют этой землей, помнят и знают...

Мы бредем по почерневшей траве, среди обугленных эвкалиптов, — свидетелей недавнего пожара, — карабкаемся на скалы, все выше, нога скользит по камням... Огромные скальные полотнища от земли до неба, в несколько ярусов, покрыты рисунками — то узнаваемыми изображениями животных, птиц, рыб, иногда увиденных как бы насквозь, то чудовищными сюрреалистическими созданиями воображения, порождениями кошмарных снов. Гигантская художественная галерея каменного века. И все эти рисунки «живут»: аборигены продолжают заботиться о них, для них это — часть их жизни. Под огромной нависшей скалой — следы недавних археологических раскопок. Это — место одной из древнейших на Австралийском континенте стоянок, ее возраст достигает пятидесяти тысяч лет.

А где-то в глубине леса, среди скал, аборигены всё еще сохраняют в тайне от посторонних свои святилища. Здесь — их душа, она все еще жива. «Они неохотно раскрывают свой духовный мир, — говорит Иван. — Если они доверяют вам, они готовы открыть вам какую-то часть их духовного наследия, — к примеру, помочь вам истолковать их рисунки; но

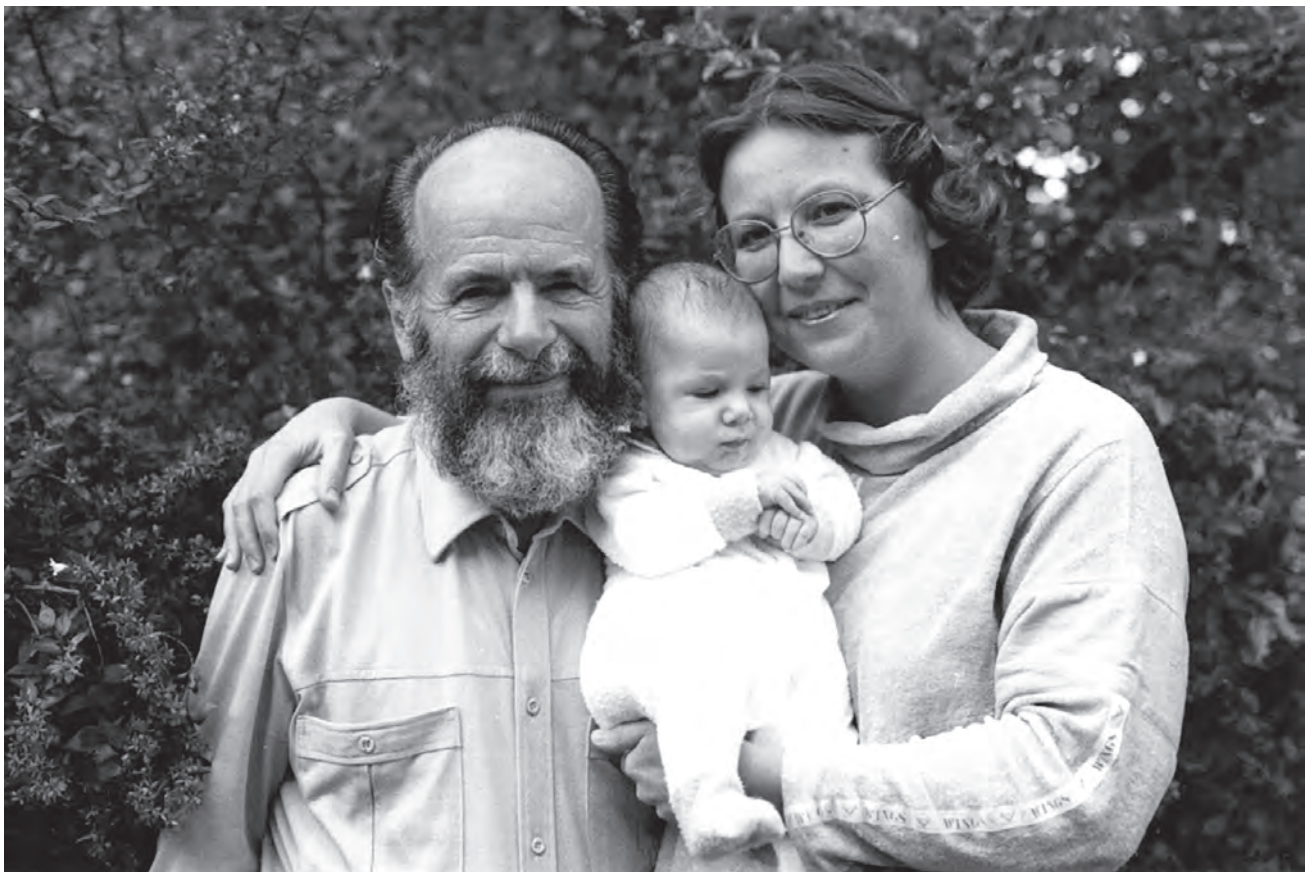
Наскальный рисунок. ***Национальный парк Какаду, Австралия***

это — лишь незначительная часть. Их духовная вселенная всё еще закрыта для европейцев».

А рано утром мы уже скользили в лодке по Желтым водам — по пресноводным затонам, образованным рекой Южный Аллигатор. Поднимался туман, и нам показалось, что мы вернулись в детство человечества, в земной рай, первозданно чистый и до краев наполненный кипящей жизнью. Только крокодилы чутко дремали у кромки воды.

Из письма Лены в Москву, 19 апреля 1992 года: *«Двадцать месяцев, что мы прожили в Австралии, вместили в себя столько событий и впечатлений, сколько и вся моя предыдущая жизнь. За это время мы пережили столько разных состояний и социальных ролей, что хватило бы материала на целую книгу. Помню раннее утро на ферме под Канберрой, в один из первых наших дней в Австралии. Я стою на холме под огромным кустом золотой благоухающей акации, а внизу — прозрачный эвкалиптовый лес, наполненный незнакомыми голосами птиц, изгороди, паддоки, промельк кенгуру, заброшенная шахта золотоискателей. И я думаю: „Неужели же это правда? Я — пришла, и вокруг меня — Австралия!" Вот это первое чувство я никогда не забуду, оно до сих пор помогает нам жить, обыденная наша жизнь постоянно им озарена: я вывешиваю поздним вечером белье для просушки и над головой вижу сияющий Южный Крест; еду по делам в город и, когда автобус взлетает на мост над озером, вижу вдали сиренево-голубые хребты Тидбинбиллы и Бриндабеллы. „Моя" Австралия все еще существует, хотя и принимает порой неожиданные формы...» И дальше: «Когда выяснилось, что мне дали место в аспирантуре университета, мы решили остаться. У нас был чемодан с летними вещами и куча книг и бумаг — вот с этим и пришлось начинать новую жизнь. Тут мы и узнали на собственном опыте, каково живется бедным в Австралии; а наш доход чуть ли не в два раза ниже уровня бедности. Теперь мы можем со знанием дела сказать, что бедным живется совсем не плохо. Австралийское общество как будто создано для людей, которые начинают с нуля, и дает им все условия для достойной жизни. Даже таким, как мы, оставшимся в стране без прав и надежды на будущее. В какую бы тяжелую ситуацию ни попал человек — всегда есть организации и люди, готовые помочь. Общество это глубоко христианское по духу, ну и генетическая память, да и просто сознание, что все мы, австралийцы, — братья-иммигранты... И еще штрих к познанию Австралии. Когда у нас появилась „своя" земля, первое, что мы сделали, — попытались пересадить маленькие акации из буша. Наш опыт закончился полной неудачей. И тут мы впервые по-настоящему поняли, что это такое — австралийская земля и каково приходилось первым поселенцам. Владимир Рафаилович задумал здесь книгу о своей жизни — своего рода „биографию духа". А я пишу диссертацию о восприятии Австралии русскими в 1788–1919 годах. Университет дал мне домой компьютер, и я, несмотря на появление Ральфи, продолжаю работать: три-четыре свободных часа в день остаются. А такое детство для моего ребенка мне в Москве и присниться не могло бы. Одной одежды ему надарили два огромных чемодана. Игрушки у него такие интересные, что он уже в три месяца вовсю играет с ними, ведет беседы... А самое главное, что он всё время чувствует любовь и душевное спокойствие своих родителей, оттого и сам очень спокоен, улыбчив и счастлив. Своим видом — особенно когда он висит в кенгурушнике на груди у Владимира Рафаиловича — он приводит в умиление всех встречных на улице. ...Канберра особенно хороша сейчас, ранней осенью — вдоль нашей улицы горят на солнце багряные дубы, золотые березы и серо-зеленые эвкалипты, а на березу под моим окном по утрам прилетают пестрые попугаи»».*

И — другое письмо Лены: Левону Абрамяну, в Армению, 7 августа 1993 года. *Прошло уже три года после нашего приезда в Австралию. «...Канберра спланирована так мудро, что горы видны из любой точки, а куски буша и пастбища перемежаются со стоящими в садах коттеджами, стаи диких птиц помогают человеку противостоять суете житейских проблем и напоминают, что вокруг нас есть другой, прекрасный мир — Австралия. Я живу как будто родившись заново, и прежняя московская*

«Ральфи всё время чувствует любовь и душевное спокойствие своих родителей, оттого и сам очень спокоен, улыбчив и счастлив»

жизнь кажется смутной и нереальной — такой, в которую и заглянуть нельзя, как в воду утекшей реки. Ловлю себя на мысли, что не могу представить себе, как вы живете в городе, на который обрушилось столько бед, в республике, вокруг которой уже несколько лет идет война. Возможно, и у вас есть это ощущение безвозвратно ушедшей прежней жизни, прежнего мира. Мы о своем пути, пожалуй, не жалеем, хотя и в нашей жизни немало трудностей...»

Вот эти-то трудности и помогало нам преодолевать то, что мы назвали австралийским социализмом «с человеческим лицом». Это, прежде всего, сама страна с ее государственными институтами, с ее системой социальной помощи. Но что всё это без людей, вносящих живую душу и в деятельность учреждений, и в межчеловеческие отношения? Понимая, насколько трудна и сложна наша жизнь, эти люди стремились помочь нам, нередко опережая наши просьбы. Профессора Австралийского национального университета Хари Ригби и Алан Мартин в решающий момент поддержали кандидатуру Лены, и она получила место в аспирантуре. Мы узнали об этом за несколько дней до отлета из Австралии, простившись, казалось, навсегда с Канберрой. Алан Мартин, который руководил тогда отделением истории, в последнюю минуту принял судьбоносное решение, оно позволило нам продлить визу и отложить возвращение в Москву на несколько лет. Узнав, что я нуждаюсь в глазной операции и что у меня нет медицинской страховки, историк-абориген Гордон Бриско просит своего друга, лучшего глазного хирурга Австралии Фреда Холлоуса, помочь мне. И Фред Холлоус — удостоенный в этом самом году почетного звания «Австралиец года» за самоотверженную гуманитарную деятельность — делает мне бесплатно глазную операцию, бесплатно и столько, сколько требуется, меня держат в клинике, бесплатно снабжают лекарствами и обеспечивают уход, питание и медицинское обслуживание, которые в нашей стране получают, быть может, только пациенты Кремлевской больницы — а ведь всё это стоит в Австралии больших денег. Главное, что отличает австралийских медицинских работников всех уровней от советских, — это не только их более высокий профессиональный уровень, но и внимательное, человечное отношение к каждому больному. Лицо медицины в нашей стране — бездушие, формализм, иерархичность.

Друзья и знакомые, узнав о том, что мы поселились в «собственном» доме, без всякой просьбы

Владимиру и Елене предоставили социальное жильё в Канберре — «собственный» дом, принадлежавший государству

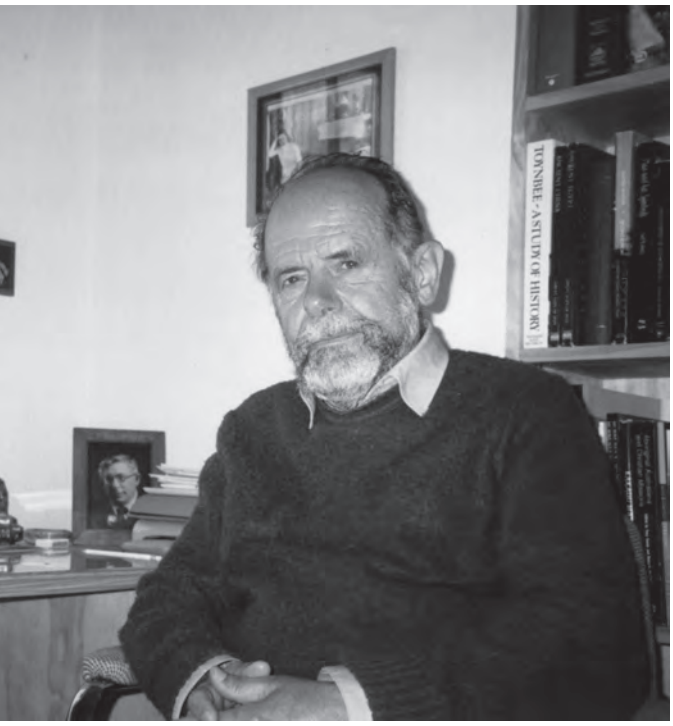
с нашей стороны привозят нам мебель, теплую одежду и электронагреватели — ведь приближается зима — и многое другое, даже картины, чтобы украсить стены. Антрополог Бети Михан и археолог Рис Джонс каждое Рождество приглашают нас, с маленьким сыном, к себе на ферму и потом отвозят домой с австралийским хампером — ящиком всевозможных припасов. Да, хорошо быть бедным в Австралии...

Жизнь сблизила нас еще с несколькими замечательными женщинами. Одна из них — сестра Хелен Ворман, католическая монахиня, руководительница миссионерского центра в Алотау, на востоке Новой Гвинеи. Все свои силы она отдает обучению и религиозному воспитанию новогвинейской молодежи, объезжая на легком суденышке школы, разбросанные на островах Тробриан и Луизиада, преодолевая усталость, трудности, порою опасности пути. «Эти молодые люди духовно очень восприимчивы», — говорит она о своих воспитанниках, которым посвятила жизнь. Многие годы она переписывалась с заключенными в Советском Союзе, внося свой вклад в сопротивление тоталитаризму.

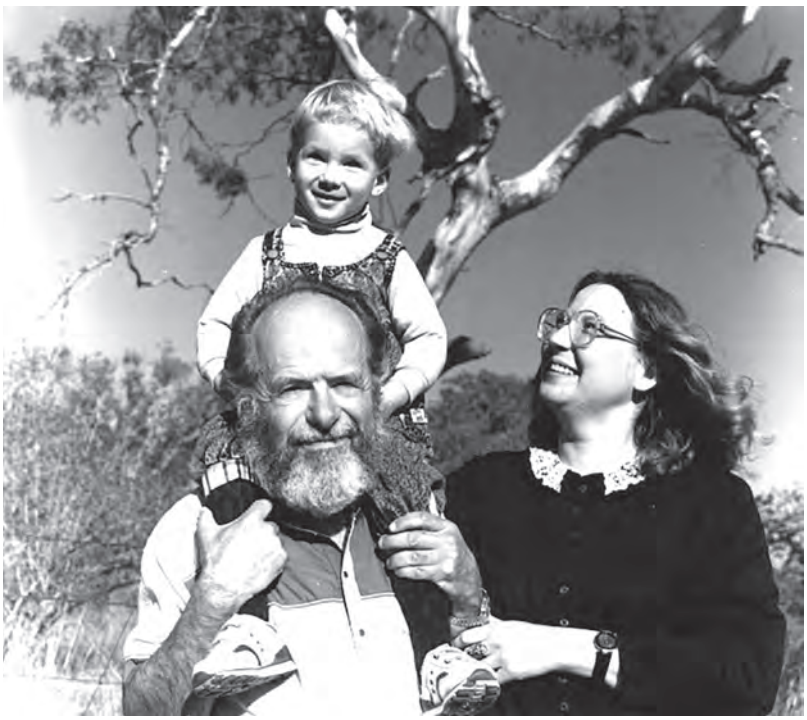
Каждую пятницу в центре Канберры появляется плакат с надписью «Здоровая бесплатная пища», а под ним, на мостовой, столы с хлебом и горячим супом. И среди добровольцев, которые до поздней ночи кормят всех желающих, всегда — маленькая седая женщина с глазами, излучающими радость и любовь к людям. Для каждого она находит приветливое слово. Это — Станислава Дабровская. Молодые годы ее прошли на юге Польши, но уже много лет она живет в Австралии. Одного из ее троих сыновей затянуло в сеть наркоманов, несколько лет он провел в тюрьме, и она дала себе обет помогать всем, кто нуждается в ее помощи, а особенно, сбившимся с пути, — а таких очень много. Свои страдания она преобразовала в деятельную, активную помощь людям — и в этом находит счастье и смысл своей жизни.

...Накануне рождения Ральфи произошло чудесное событие: в нашем саду, — там, где он потом лежал младенцем, а теперь играет, — появилась огромная ящерица-игуана. Она остановилась перед креслом, в котором только что сидел я, постояла неподвижно, приподняв голову и вытянув хвост, и — исчезла. На другой день я отвез Лену в госпиталь, и на следующее утро родился наш сын... Появление игуаны — редкое событие в городе. Мы расценили его как некое предзнаменование, подобное тому, которое в некоторых племенах аборигенов предшествует рождению ребенка. Каждый абориген Австралии имел когда-то свой тотем, и мы считаем теперь игуану тотемом нашего сына.

В первые же дни, наблюдая поведение новорожденного, Лена вдруг разгадала происхождение таких странных, казалось бы, вещей, свойственных только человеку, как улыбка, поцелуй, прощальный взмах руки. Да и почему «венец природы», человеческий детеныш, в отличие от других млекопитающих,

Дóма в Канберре, в рабочем кабинете

Сын уже твердо знает, что он — Ральфи

рождается на свет таким не приспособленным к жизни? Но ведь иначе не было бы условий для многомесячного монолога, обращенного к нему со стороны родителей, который и делает его человеком. С развитием речи и даже раньше, с появлением первой ответной улыбки, монолог этот всё более становится диалогом. Первыми настоящими словами нашего сына — ему не было еще и года — стали не «мама» и «папа», а «что это?» — слова, обращенные ко всему, на что падал его взгляд. И в первые месяцы интерес его к окружающему миру был скорее философско-эстетическим, Ральфи не запоминал наши ответы, а лишь с упоением слушал и убеждался, что каждый предмет вокруг него имеет свое имя. Однажды на прогулке кто-то из нас вместо того, чтобы в тысячный раз ответить «Это дорога, это трава...», стал отвечать: «Абракадабра». Ральфи так горько заплакал, как будто рухнул мир. Пришлось восстанавливать миропорядок с самого начала: «Это — Ральфи, это — мама, это — дорога...» Только тогда он успокоился. Не удивительна ли такая зависимость от слова?

С наступлением зимних холодов австралийцы кладут под двери сшитые из плотной материи валики, предохраняющие от сквозняков. Так поступили и мы. И эти валики неожиданно оказались лучшим средством удержания Ральфи в комнате, даже когда двери были открыты. Он очень долго, почти до двух лет, не решался переступать через них. Может быть, в нем проснулся древний страх человека перед змеёй — ведь они и в самом деле напоминают змей. Возможно, где-то в подсознании ребенка таился древний образ змеи. Быть может, они вызывали из глубин его подсознания и еще один архетипический образ, усвоенный с древнейших времен, — границы между своим и чужим, освоенным и неосвоенным, а потому опасным пространством. И мы так и стали называть эти валики под дверями — «архетипами». Ральфи не только не переступал через них — он не смел даже потрогать их, и только спрашивал с безопасного расстояния: «Что это?» Или перебрасывал через них свои игрушки, как бы исследуя таким способом запретное пространство за ними. На исходе второго года страх перед валиками, положенными под двери, исчез, Ральфи начал вдруг отважно переступать через них. Но это было лишь началом новой главы того же романа — теперь он стал населять «архетипом» темные шкафы, чуланы, колодцы, уличные люки, густые заросли... «Там — тиф... Там — тиф...» «Тиф» — это значит «архетип». И в голосе его звучит: там — опасность, там — некая таинственная сила. «Тиф» стал олицетворением всего таинственного и опасного, таящегося в темноте, подстерегающего человека, но не имеющего определённого облика. Не напоминает ли это ману — явление, давно известное в культурах архаических обществ, в истории религии — безличную, необъяснимую силу, скрытую в необычных предметах, в опасных и грозных явлениях природы, пронизывающую пространство подобно электричеству?..

По-настоящему речь он начал осваивать к полутора годам, до этого произносил некие «протослова»; неясно было, что они означают. В 19-месячном возрасте мы ходили с ним в буш, и он, к нашему удивлению, прошел около трех километров по каменистым и песчаным тропам, взбираясь на Красный холм. Вёл себя как маленький исследователь; особенно заинтересовали его камни, и одним из первых его слов стало слово «камень».

Из дневника Лены; *Ральфи — в том же возрасте: «Временами произносит таинственное „се там". На вопросы „Что это? Где это?" показывает на себя. Что это может значить: себя, сам? Твердо знает, что он — Ральфи».*

А вскоре после двадцати двух месяцев он уже и сам начал называть себя Ральфи. Свидетельства формирующегося самосознания. В двадцать два месяца его словарный запас составил около 200 слов, а может и больше; он мог назвать почти все предметы окружающего мира. Чуть позднее начал произносить фразы, употребляя слова в правильном числе и падеже. Вскоре начал осваивать глаголы. Он не изучал язык — он как бы погружался в его стихию. «Собака укусила Ральфи!» И тут же успокаивает родителей: «Придумал». Невинная мистификация, свидетельствующая о развитии фантазии. Как это всегда бывает с детьми, в нем вдруг пробудился интерес к рисованию. Сначала он рисовал мелом на плитах дорожек, на асфальтовом полу гаража, а потом получил бумагу и карандаши. Первые рисунки были беспорядочными линиями, дугами, иногда попытками изобразить окружность или какую-нибудь неопределённую форму. Протообразы и протоформы, аналоги протослов. Но при этом он почти всегда мог объяснить, что именно он хотел нарисовать — или осмысливал рисунки задним числом, отвечая на наши вопросы. И выяснилось, что он, подобно первобытному творцу, вносит, казалось бы, в одно и то же хаотическое сочетание линий разное содержание: в одном случае это человек, в другом — дом, в третьем — лодка... Вот и в начатках изобразительного творчества его развитие как бы воспроизводит некие стадии в духовном развитии человечества. У него тонкая эмоциональная организация. «Стоит мне загрустить, тут же бежит: „Мама, мама!", поднимает мою голову, заглядывает в глаза», — пишет Лена в дневнике; Ральфи — 22 месяца. К двум годам в нем с огромной силой вспыхнула потребность в любви. То и дело он напоминает нам — и себе: «Папа любит Ральфиньку... Мама любит Ральфиньку...» Или: «Ральфи любит папу...» И, просыпаясь ночью, в полусне: «Папа любит Ральфи...» Любви в нем так много, что хватает не только для нас, но и для игрушек — жабы, коалы, обезьяны. Из дневника Лены: «Маленькие дети не держат зла и прощают нас, и этим дают нам самим урок великодушия».

Много лет назад, когда я появился на свет, моя мама написала стихотворение, отразившее то, что она тогда пережила. В нем были такие строки: «...И нарастающая нежность/К тому, кто стал теперь моим/ Несчастьем (это неизбежно)/И счастьем трудным и скупым». Предчувствие не обмануло ее. Мы надеемся, что это существо, переполненное любовью, — нашего сына, — ждет иная судьба, свободная от многого, что пришлось пережить его отцу.

В стране, оставленной нами несколько лет назад, люди по-прежнему живут в мире опасных мифов, в фантастическом мире искаженных представлений о прошлом и настоящем. Конечно, не все, но — значительная часть населения: в этом убеждаешься, читая популярные журналы и газеты, издаваемые в современной России, об этом свидетельствуют итоги выборов в Государственную Думу, выборов президента. И другое впечатление, которое получаешь, наблюдая нынешнее русское общество: его нравственные нормы и оценки, как и прежде, зыбки, стёрты, неустойчивы. Таким оно стало еще в мои молодые годы, и таким остается, несмотря на смену поколений. Конечно, и это относится не ко всему обществу, но — к значительной его части. Прошлое всё еще висит над этой страной подобно кошмару. А ее исторические судьбы всегда оказывали влияние на судьбы остального мира. Вот почему я думаю, что апокалиптические и эсхатологические ожидания участников современных религиозных движений — я писал о них в предыдущей главе — не останутся лишь ожиданиями; возможно, нас еще ждут великие потрясения. Население России в массе своей чуждо духу христианства — за наружным православием всё еще скрывается древний язычник. Пафос христианства — в покаянии, во внутреннем духовном перерождении, в решительном разрыве с прошлым. В этом его глубочайшая суть. Но вот этого-то на моей родине еще не произошло. А если это так — чего же ждать от нее?..

В августе 1993 года Деби Роуз[3] приехала в Москву на международную конференцию, которая происходила в моем прежнем институте. Она была поражена глубиной пропасти между западной и русской наукой — наследием семидесятилетней интеллектуальной изоляции русских ученых. По её словам, она впервые поняла, до какой же степени Россия

[3] Деби Роуз — молодой этнограф, которая каждый год уезжала со своим мужем, Даррелом, на север Австралии для полевой работы.

была закрытым обществом. «В этой стране систематически преследовали и убивали людей, которые осмеливались высказывать взгляды, противоречащие официальной догме, — пишет она в австралийском журнале «Арена». — Это было общество, в котором неортодоксальные взгляды на кровное родство могли стоить жизни». Петер Швейцер, австрийский этнограф, рассказал на конференции о состоянии советской науки в годы, когда она находилась под жестким идеологическим контролем, и привел в пример меня как независимо мыслящего ученого, обладавшего мужеством говорить и писать то, что он думает, что вытекает не из официальной догмы, а из его собственных исследований.

...Высокие эвкалипты за окном, горы вдали. Они уносят меня в Центральную Австралию, и я вспоминаю первую встречу с Улуру: когда приближаешься к ней безбрежной пустынной равниной, покрытой лишь спинифексом и мульгой, она постепенно возникает как остров в океане. И по мере того, как солнце склоняется к закату, гигантская куполовидная скала меняет свой цвет: только что она пылала как раскаленный уголь, а теперь всё более лиловеет, словно покрываясь пеплом. Это — ось мира, физического и духовного, того, в котором жили бесчисленные поколения аборигенов. Скала была священным центром их мироздания, и стены ее пещер покрыты рисунками, значение которых понятно лишь посвященным. Аборигены и сегодня совершают в них обряды, обучают инициируемых юношей. Высоко над источником, вытекающим из скалы, мы видим изображения двух змей в смертельной схватке: в водоеме обитает змея Ванампи, прародительница аборигенов анангу. И повсюду — скалы, в которые превратились другие мифические существа. А потом я пролетаю на самолете над Улуру и вижу сверху ее тело, изрезанное морщинами, словно тело уснувшего допотопного зверя, который еще помнит, какой была земля в первые дни творения. А там, на горизонте, громоздятся другие гигантские камни, причудливые, рыже-красные, — это гора Ольга. Как если бы творец разбросал по земле эти чудовищные скалы, еще не решив, что делать с ними, да так и забыл их в пустыне. Где-то далеко сверкает на солнце высохшая до дна солонка озера Амадеус. Какая все-таки древняя земля. А Улуру уходит в туман, как остров в океане — как остров мертвых, к которому мы все поплывем однажды.

И как знать, быть может, и моя душа вернется когда-нибудь к источнику в скале, к змее-прародительнице Ванампи. ■

Владимир Кабо, Дорога в Австралию: Воспоминания. — New York, Effect Publishing, 1995.

В австралийской глубинке, недалеко от Улуру

Говорить с ними трудно, но это потому, что духовно мы находимся в разных мирах

Два разных мира лицом к лицу — с улыбкой

